

Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 3 (143). С. 59–66.
Izvestiya of Altai State University. 2025. No 3 (143). P. 59–66.

Научная статья

УДК 94:327"18"

ББК 63.3(5)63-6

DOI: 10.14258/izvasu(2025)3-09

**«Казахский вопрос» в отношениях России
с центральноазиатскими государствами
в первой половине XIX в.**

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан,
prohorov1974@mail.ru

Original article

**«Kazakh Question» in Russia's Relations with the Central Asian
States in the First Half of the 19th Century**

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
prohorov1974@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли казахов Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств в отношениях России со центральноазиатскими государствами в первой половине XIX в. В это время Российская империя вела активную политику по защите своих торгово-экономических и политических интересов в Центральной Азии. Империя активно развивала караванную торговлю через казахские степи. В свою очередь, среднеазиатские владетели пытались использовать принявших российское подданство, но сохранивших самостоятельное управление казахов, как оплот против России. Они делали попытки не допустить российских купцов на среднеазиатские рынки, монополизировать в своих руках караванную торговлю для получения конкурентных преимуществ. Центральноазиатские владетели дестабилизировали ситуацию в Оренбургском и Западно-Сибирском генерал-губернаторствах, переманивали казахов на свою сторону, принуждали их к грабежам российских караванов и захвату пленных. В то же время Центральная Азия становилась ареной соперничества великих держав — России и Великобритании. Для обеспечения своих интересов Россия проводила в казахской степи политико-административные реформы. В частности, ввела централизованное правление, подчиненное российской администрации, казахов обеспечила гражданскими правами. Создание в казахской степи мирной и благоприятной для развития экономики и торговли обстановки отвечало интересам империи.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, караванная торговля, Оренбург, Ян Виткевич, внешние округа

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the Kazakhs of the Siberian and Orenburg governorates in Russia's relations with the Central Asian states in the first half of the 19th century. At this time, the Russian Empire was pursuing an active policy to protect its trade, economic and political interests in Central Asia. The Empire actively develops caravan trade through the Kazakh steppes. In turn, the Central Asian rulers tried to use the Kazakhs, who accepted Russian citizenship but retained independent governance, as a bulwark against Russia. They tried to prevent Russian merchants from entering the Central Asian markets and monopolize the caravan trade in their hands in order to gain competitive advantages. The Central Asian rulers are destabilizing the situation in the Orenburg and Siberian governorates, luring Kazakhs to their side, forcing them to rob Russian caravans and capture prisoners. At the same time, Central Asia became an arena of rivalry between the great powers — Russia and Great Britain. To ensure its interests, Russia is carried out political and administrative reforms in the Kazakh Steppe. In particular, a centralized government subordinate to the Russian administration is being introduced, and Kazakhs are provided with civil rights. The creation of a peaceful and favorable environment for the development of the economy and trade in the Kazakh Steppe was in the interests of the empire.

Keywords: Russian Empire, Central Asia, caravan trade, Orenburg, Jan Witkiewicz, outer districts

Для цитирования: Прохоров И.Р. «Казахский вопрос» в отношениях России со среднеазиатскими государствами в первой половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 3 (143). С. 59–66. DOI: 10.14258/izvasu(2025)3-09.

Введение

Роль казахов в отношениях России со среднеазиатскими государствами в историографии обычно рассматривается в контексте присоединения казахских земель к России и последующего включения Центральной Азии в состав империи.

Первыми в печати по нашей теме появились обобщающие труды дореволюционных российских военных, администраторов и путешественников, описывавших прогрессивное значение внедрения российской гражданственности в казахских степях и среднеазиатских государствах. Среди них важное значение имели труды Л.Ф. Костенко [1], М.А. Терентьева [2], Н. Середы [3], А. Макшеева [4], Н. Небольсина [5].

Новый историографический подход появился в советское время. До Великой Отечественной войны наблюдалось отрицательное отношение историков к процессу присоединения Центральной Азии и казахских земель к Российской империи. В целом, преобладала концепция «наименьшего зла», как называли присоединение этих территорий к России по сравнению с возможной экспансией других государств. Однако некоторые исследователи пошли дальше. Так, в труде казахстанского большевика Т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году» прямо указывалось, что «в составе бывшей Российской империи — этой «тюрьмы народов» — Туркестан [Центральная Азия] и Казахстан являлись окраинами, которые запечатлели на себе специфические признаки колониальных стран» [6, с. 4].

Сходных взглядов придерживался казахстанский исследователь С. Асфендиаров, который, отрицая добровольность присоединения казахов к России, убеждал читателя, что Казахстан был завоеван [7]. Подобные же убеждения пропагандировал казахстанский историк Е. Бекмаханов, придерживавшийся господствовавшей в то время идеологической конструкции «национально-освободительной борьбы народов против царского самодержавия» [8].

После Великой Отечественной войны утвердилась противоположная парадигма — идеологический маятник качнулся в другую сторону. Так, советские казахстанские историки стали пропагандировать идеи добровольного вхождения казахов в Россию, благотворного влияния России на ситуацию в казахской степи и Центральной Азии [9].

После крушения Советского Союза часть исследователей, по сути, вернулась к взглядам 1920–1930-х гг. Однако в ряде случаев историки независимых государств пошли дальше: стали рассматривать

For citation: Prokhorov I.R. The "Kazakh Question" in Russia's Relations with the Central Asian States in the First Half of the 19th Century. *Izvestiya of Altai State University*. 2025. No 3 (143). P. 59–66. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2025)3-09.

Российскую империю как главного врага казахов и среднеазиатских народов. По этой причине российский востоковед В.А. Моисеев, один из ведущих ученых по истории международных отношений в Центральной Азии, показывал, что в историографии независимого Казахстана 1990-х гг. идеализировались отношения казахов с соседними государствами — Бухарой, Кокандом, цинским Китаем в XIX в. [10].

В то же время в казахской историографии периода независимости стали утверждаться нарративы о том, что национально-освободительная борьба казахского народа на целое столетие отсрочила захват Россией государств и народов Центральной Азии. При этом полностью отрицалась добровольность вхождения казахских земель в состав России [11, с. 168].

Как пишут современные авторы, некоторые казахские историки зачастую показывают Казахстан древней страной, которая, подпав под власть России, подверглась социально-экономической и культурной деградации, а ее народ — частичному истреблению [12, с. 11].

Иной подход к вопросу взаимодействия Российской империи с казахами и центральноазиатскими государствами возобладал и в России. Так, А.Г. Дугин отмечал, что с начала XIX в. Центральная Азия становится ареной противостояния между Великобританией и Россией. Поэтому в начале XIX в. Российская империя продвигала свои границы в казахские степи для обеспечения собственной безопасности [13, с. 73].

В этой связи, как отмечают современные историки, методы политического контроля казахской степи трансформировались от протектората над казахскими родовыми подразделениями до введения российской централизованной власти и гражданских начал. Они же утверждают, что положительных сторон этого процесса неизмеримо больше, чем отрицательных [14].

Актуальность данной статьи определяется современными геополитическими процессами в Казахстане и Центрально-Азиатском регионе, ставшими местом сосредоточения интересов и противоборства великих держав, необходимостью развития торгово-экономических связей России с Казахстаном и странами Центральной Азии, укрепления между ними давних союзнических отношений. В этой связи объективное осмысление истории российской политики в регионе с учетом уже имеющихся исследований и нового опыта приобретает значительный интерес. Актуальность статьи определяется также тем, что часть ценных архивных материалов по этой теме еще не была использована. Введение их в научный оборот позволит по-

новому взглянуть на злободневные исторические проблемы. В частности, автор в статье использует донесения из казахской степи российского разведчика Яна Виткевича.

Методы исследования

В статье применен ретроспективный метод исторических исследований, позволивший проследить изменения политической обстановки на сибирской границе России в первой половине XIX в. Помимо исторической литературы, важными историческими источниками стали документы, выявленные автором статьи в Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном архиве Республики Казахстан, Объединенном государственном архиве Оренбургской области, Историческом архиве Омской области. В частности, в фондах указанных архивов имеются материалы о противодействии центральноазиатских владетелей политике укрепления позиций России в регионе, их попытках использования казахов — подданных России — в своих интересах, а также о позитивных сторонах российского присутствия в регионе.

Поэтому автор поставил целью статьи выявление стратегии российской администрации в казахской степи в период продвижения России в Центральную Азию, влияние этого процесса на состояние казахского общества.

Полученные результаты и их обсуждение

Установление реальной российской власти в казахской степи и дальнейшее продвижение империи на юг встретило отчаянное сопротивление среднеазиатских правителей, считавших казахов своими подданными, а их кочевое хозяйство — составной частью экономики и доходов своих государств.

Так, в письме правителя Ташкента Лашкара-кушбеги султанам Коныркулже Худаймендину, Абулхаиру, биям Джуману, Шуленбаю и всем почетным людям алтаевского и карпыковского родов от сентября 1831 г. утверждается, что якобы через своих посланников кокандские чиновники вели переписку с российским сенатом, в которой спрашивали: «Для чего в казахской степи установлены российские административные центры — приказы?»

На что был получен ответ, что только для восстановления тишины и спокойствия при прохождении купеческих караванов, а до казахов русским дела нет. Следовательно, по уверениям Лашкара-кушбеги, российские власти подтверждали, что казахи остались в подданстве Коканда, который может брать налог с них по своему усмотрению [15, л. 5].

На самом деле Лашкар-кушбеги занимался откровенным обманом казахских правителей в попытках сохранить власть Коканда над степняками. Казахи уже давно приняли подданство России, а генерал-

губернатор Западной Сибири в воззвании 1824 г. о введении в действие «Устава о благоустройстве Сибирских киргиз», которое довели до жителей степи, провозглашал, что жители Среднего жуза, вошедшие во внешние округа, принимались в особое покровительство и на попечение Российского правительства [16, л. 2].

Этот устав имел прогрессивное значение для казахского общества, наделяя казахов гражданскими правами. Он также положил начало устранению застарелых проблем казахского общества — межродовых распрей и баранты (насилованный угон скота, скотокрадство), совершенно разорявших степняков [16, л. 4–6].

Устав о сибирских казахах также способствовал развитию торговли и хозяйства в казахской степи [17, с. 7]. Автор Устава — Михаил Сперанский — пояснял, что Россия не должна смотреть равнодушно на положение казахов, которые от безначалия и неурядицы приходят в нищету, не должна допускать, чтобы разоряемые ежегодной барантой казахи дошли до совершенной бедности [18, с. 518].

Благодаря действиям российской администрации со временем удалось во многом уладить взаимные претензии по кражам скота между казахами Западно-Сибирского (Средний жуз) и Оренбургского (Младший жуз) ведомств, помирить казахов разных родовых подразделений [19, л. 3–4].

К примеру, пристав Младшего жуза ротмистр Корсаков в 1821 г. отчитался Оренбургской пограничной комиссии об улаживании давних конфликтов между казахскими аристократами. Перед ним ставилась задача «употребить всемерное старание, дабы единодушные среди ордынцев утвердилось прочным и добровольным образом» [20, л. 3].

Тем не менее, попытки переманить казахов — российских подданных — на свою сторону кокандские и другие правители центральноазиатских государств продолжали. Более того, они пытались добиться откочевки казахов из российских владений в свои страны, чтобы нанести ущерб России, а казахов обратить в полную зависимость.

К примеру, Жус-батыр с казахами рода берш, расположившись на внутренней стороне пограничной линии недалеко от Кулагиной крепости, просил пропустить их за Урал, на степную сторону. Однако оренбургский военный губернатор Григорий Волконский запретил переход на степную сторону Урала. Дело в том, что подвластных России казахов переманивал к себе туркменский хан Пирали [21, л. 2–10].

Уже упомянутый Лашкар-кушбеги давал письменные указания старшему султану Акмолинского внешнего округа Коныркулже Худаймендину: «Отправьте свой народ вперед для занятия земель между реками Сыр Чу и Конур, а сами будьте сзади на краю, и будьте его величеству хану [Коканда]

подданные и моим повелениям покорные, и по возможности отдайте нам пошлину, только чтобы русские не знали» [15, л. 6].

Таким образом, кокандцы хотели сохранить втайне от русских властей свои попытки переманить казахов Среднего жуза, которые уже вошли во внешние округа Области сибирских киргизов, на свою территорию и собрать с них налоги.

Кокандские чиновники только уговорами казахов не ограничивались. Они сами отправлялись на территорию внешних округов Омской области для сбора налога с российских подданных. Так, ташкентский бек Раис сообщил старшему султану Акмолинского внешнего округа Конаркулже Худаймендину в феврале 1836 г.: «Прибыл я к вашему народу и дал знать в окружности исповедующим веру мусульманам на расстоянии, до куда возможность позволяла, с причислением к платежу, веленному богом и пророком ясака. И от некоторых имею сведения о согласии, а от платящих уже получаю. От подведомственного Вам народа, если оный согласится дать ясак, получу его через Вас» [22, л. 11].

Отказавшихся платить дань казахов кокандцы нещадно грабили. В письме хакима Ташкента Мухтарбия старшему султану Акмолинского внешнего округа Конаркулже Худаймендину в октябре 1836 г. говорилось о разграблении казахских волостей и утоне жителей в бытность у власти Лашкара. Узнав об этом, кокандский хан соизволил возратить российскому старшему султану Худаймендину его сноху, ранее угнанную во время набега на казахов. При этом старшему султану вменялось в обязанность прибыть в город Ташкент для поздравления владетеля лично, после возвратиться куда пожелает, уплатив должную дань и помолившись за владетельного кокандского хана [23, л. 3–4].

Более того, кокандский хан Мухаммед-Али сам предъявлял права на земли казахов внешних округов в письме генерал-губернатору Западной Сибири Ивану Вельяминову. В июле 1828 г. этот хан в своем послании укорял русского губернатора в том, что на якобы принадлежавших Ташкентскому владению, входившему в Кокандское ханство, землях Биш-Казлык в Каркаралинском внешнем округе была заложена крепость, а на Каратале русскими людьми нарублен лес. Для разбора этих случаев хан отправил к Вельяминову своих чиновников Турсун-ходжу и Ходжу Курбана [24, л. 8–9].

Подобные претензии получали казахские родоправители на российской службе и от правителей Хивы. К примеру, хивинский чиновник Мухаммед-Садык-ходжи написал бию рода байбакты Младшего жуза Казы Сарымову в сентябре 1835 г.: «Ты присоединился к русским; сыну правоверного такое дело не хорошо. Раскайся в таких делах, приди во владение или землю правоверных на службу брату твоему багыру Юсуфу» [25, л. 9–10].

По убеждению российского исследователя М.А. Терентьева, в первой половине XIX в. Хива по-

стоянно подстрекала подвластных России казахов на восстания, заманивала их в свое подданство, облагала податями. Хива также собирала непомерный зякет (таможенную пошлину) с русских караванов, следовавших по степи. Наконец, хивинцы постановили правилом, чтобы русские караваны, в какие бы места Центральной Азии ни отправлялись, непременно следовали бы через Хиву, где им предстояло заплатить пошлину, возвышенную уже до крайних размеров. В 1833 г., напоминает М.А. Терентьев, дерзость хивинцев дошла до того, что в Оренбург был прислан хивинский зякетчи (сборщик налога) для объявления русским купцам, что караваны их неминуемо будут ограблены, если не пойдут через Хиву [2, с. 105].

Терентьеву вторит российский исследователь И. Казанцев. Он сообщает, что хивинский хан Мухамет-Рахим изобретал разные способы вредить России. Хан, к примеру, принудил туркмен вместе с хивинцами напасть в 1824 г. на русский купеческий караван, отправленный в Бухару под военным прикрытием, и разграбить его. Кроме того, он продолжал грабить подданных России казахов. Его преемник хан Аллакул продолжил военные действия против России. Хивинцы по-прежнему поощряли казахов к грабегам и захватам русских в плен [26, с. 102].

Правитель средней части Орды оренбургских киргизов Араслан Джантюрин в беседах с российскими администраторами в 1853 г. утверждал, что большая часть подведомственных ему казахов еще недавно были разбойниками и только теперь начали совершенно подчиняться правительству [27, с. 304].

Между тем Российское государство в первой половине XIX в. старалось наладить мирные и добрососедские отношения с центральноазиатскими владениями. К примеру, в Государственном архиве Оренбургской области сохранилось дело о действиях Азиатского департамента МИД России по освобождению российских подданных из хивинского плена, улучшения политических и торговых взаимоотношений между Россией и Хивой в 1835–1842 гг. [28].

Как сообщали чиновники Азиатского департамента МИД, «ныне [1835 г.] похищений с Оренбургской линии русских людей казахами почти нет, более того, казахи принуждены выдавать Оренбургской пограничной администрации всех случайно попадающих к ним пленников. Но в Хиве и Бухаре дело почти не изменилось. Там до 3 тыс. русских пленников, угнанных в рабство казахами и туркменами, ждут своего освобождения» [28, л. 1].

Невольничьи рынки Бухары, Самарканда и других городов Центральной Азии были забиты русскими невольниками, доставляемыми туда казахами [11, с. 10]. Кроме того, стало известно, что хивинцы, под разными предлогами отделяясь от своих караванов, следующих в Россию, оставались в казахских аулах, присваивали себе звание мулл. Прикрываясь мелкой торговлей, они на самом деле внушали казахам ненависть к рус-

ским, принуждали к захвату их в плен и переправу в Хиву в рабство [28, л. 13].

По этой причине через султанов-правителей Орды оренбургских казахов местным жителям было объявлено, чтобы они не терпели в своих аулах таких агентов Хивы, а доставляли их в Оренбургскую пограничную комиссию. Хивинцы среди казахов ложно называли себя бухарцами и кокандцами, поэтому выдачу планировали распространить на всех выходцев из Центральной Азии, поскольку и кокандцы занимались кражами русских людей с последующей продажей их в рабство [28, л. 13 об., 14].

Впрочем, российская администрация дала возможность мирным выходцам из среднеазиатских государств остаться среди казахов внешних округов при условии причисления их к местным административным единицам [29, л. 20].

Пограничное управление сибирских киргиз в 1846 г. отмечало, что некоторые ташкентцы и бухарцы проживали между казахами с давнего времени. Часть в звании мулл или ходжей, а другие, не производя никакой торговли, поселились в казахских аулах на постоянное жительство. Такие поселенцы называли себя чалаказаками, т.е. рожденными от татарина и казашки или другого иноземца и казашки. Так появилось новое сословие под названием «иноземцы». По их желанию они причислялись к казахским волостям, в которых жили. При этом им не возбранялось торговать в округах и селениях. Те, кто пожелал остаться в казахской степи, должны были приписаться к числу казахов и платить ясак на равных с ними основаниях. В то же время пограничное управление приняло решение всех ташкентцев, бухарцев, хивинцев, не приписавшихся к внешним округам, выслать из внешних округов [29, л. 20 об.].

Тех же, кто не вернется в свое отечество, но и не перейдет на положение казахов внешних округов, было предписано считать бродягами. «Таковые по приговору суда наказываются плетью при полиции и отдаются в военную службу, а в случае негодности к ней, отдаются в арестантские роты, или ссылаются в Сибирь на поселение» [29, л. 23].

Уже к 1820-м гг. российские дипломаты пришли к решительному убеждению, что с бухарским и хивинскими правителями нельзя пускаться ни в какие переговоры, нельзя иметь никаких сделок и условий, ибо все это оставалось без всякой пользы только на бумаге. По их словам, лучшим доказательством тому служила миссия, отправленная Россией в 1820 г. в Бухару и последующий опыт при посылке в 1833 г. чиновника де Мезона. Центральноазиатские государства и не думали выдавать русских пленных, при каждом случае приобретали новых, вопреки взятому на себя письменному обязательству. Хивинский хан этого даже и не скрывал [28, л. 1 об.].

В это же время бухарские и хивинские купцы совершенно свободно торговали и проживали на Сибирской и Оренбургской пограничных линиях,

а русские купцы ни под каким видом не смели показаться в их странах, так как попадали в плен и «подвергались вечному рабству» [28, л. 2].

Среди приезжавших в Россию торговцев были и те, кто держал на своей родине русских в рабстве [28, л. 3 об.].

Все это делалось правителями Хивы, Бухары и Коканда в убеждении и уверенности, что русское правительство никаких мер против этого рабства не предпримет. В военном отношении эти государства не могли тягаться с Россией, но в первой половине XIX в. они были недостижимы для русского оружия, скрываясь за казахскими степями [28, л. 4].

При этом не только Россия нуждалась в центральноазиатской торговле, но и сами центральноазиатские государства, по данным русских чиновников, сильно зависели от поставок российских товаров. К примеру, по данным Азиатского департамента МИД, Хива и Бухара без русской юфти и железа существовать не могли. Этих товаров им не доставляли ни Китай, ни Персия, ни Индия. Основываясь на этих соображениях, чиновники МИД предлагали для спасения русских пленных брать в заложники бухарцев и хивинцев, прибывавших торговать на Западно-Сибирскую и Оренбургскую линии. Однако такое решение принято не было [28, л. 5, 5 об.].

Современные зарубежные исследователи подтверждают, что Хива и Бухара не менее России были заинтересованы в двухсторонней торговле и развитии сотрудничества. Более того, торговый оборот с Россией был в пользу среднеазиатских государств. Российские серебряные монеты перетекали в Среднюю Азию [30, с. 32].

Важно отметить, что в нарративах, предназначенных для широкой российской публики, отношения России с Хивой представлялись совершенно в ином свете, чем было на самом деле. Так, российский путешественник, историк и этнограф Павел Небольсин, издававший свои труды в типографии штаба военно-учебных заведений, писал, что хивинское владение ничтожно, к тому же давно нравственно зависит от России. Могущество и действительную власть России все хивинцы, от хана до последнего ясыря, якобы почитают в такой степени, что признают и сознают, что если Хива и существует, то она существует единственно по милосердому соизволению на то русского царя [5, с. 201].

О том, что Хива планомерно использовала казахов для противодействия России, стало также известно из рапорта председателя Оренбургской пограничной комиссии Оренбургскому военному губернатору Павлу Сухтелену, датированного 11 октября 1831 г. В нем содержалось донесение находившегося в то время в казахской степи русского унтер-офицера Яна Виткевича [31]. Виткевич сообщал, что подданные России казахи рода тлеу-кабак и почти всего алимулинского племени сделали еще своевольнее и строптивее прежнего. Сношения их с мятежным султаном

Каип-Гали Ишимовым, письмо к нему от влиятельного бия Амачия Сангрыкова, неуважение к султану-правителю Орды оренбургских казахов и беспрерывные баранты против других казахских родов «заставляли подозревать существование особого резона к беспокойству и непокорности» [31, л. 1].

Причину эту Ян Виткевич находил во внушениях султанов Арды Абулгазыева и Тауке Каипова. Первый из них — родной брат содержавшегося в ссылке в Калуге султана Арынгазы Абулгазыева. Вместе с ним и ближайшими родственниками Арды был непримиримым врагом хивинцев, грабивших неоднократно этих казахов и убивших в присутствии хана Мухамет-Рахима их родного брата Нурума Абулгазыева. Однако в 1820 г. Арды и мать его с семейством были взяты в плен и увезены в Хиву, где находились под надзором до 1828 г. Затем Арды был отпущен новым ханом Алла-Кулом, чтобы султан взял на себя управление казахами, считавшимися хивинскими подданными. Мать же его и семейство Арды остались в Хиве [31, л. 1 об., 2]. При этом главный противник русских в роде тлеу-кабак батыр Есет Кутебаров временно смирился [31, л. 2 об.].

Также Виткевич сообщал, что причиной нападения тлеу-кабацкого рода и рода дюрткара на чиклинский род был султан Арды Абулгазыев, который был всецело предан хивинскому хану и по его приказанию настраивал казахов против русских. Султан Арды кочевал с отделением тлеу-кабак на Сырдарье. Одна из его жен в то время находилась в Хиве, мать же там и умерла. Он сам обитал рядом с казахами по велению хивинского хана, вел переговоры с людьми из караванов, следовавших из Хивы, дети же его кочевали недалеко от Оренбургской линии напротив Ильинской крепости [31, л. 9].

Как и султан Арды, в дюрткаринском роде в отделении кара-кесек в интересах Хивы действовал султан Тауке Каипов [31, л. 6].

К тому же положение России в Средней Азии и казахских землях осложняло восстание султана Кенесары Касымова. Объявив себя ханом, он в 1841 г. стал собирать налог с казахов Младшего жуза, заключил союз с Бухарой и начал войну с ташкентским правителем, подчинявшимся Кокандскому ханству. В 1842 г. Кенесары требовал убрать на 35 лет российские административные центры в степи [2, с. 199].

Однако в последующие годы произошли события, которые коренным образом изменили военно-политическую ситуацию в регионе. Так, в 1844 г. Бухара напала на Коканд и покорила его, затем втянулась в долгую и изнурительную войну с Хивой [32, с. 27].

Оренбургская пограничная комиссия разрабатывала меры для защиты казахов от злодейств их агрессивных соседей на Сырдарье [33, л. 2]. Однако известный батыр Есет Кутибаров, перешедший на сторону Хивы, напал на правителя средней части Орды

Оренбургских киргизов, ограбил казахов табынского рода отделения даuletкельды [34, л. 1].

До прихода русских на Сырдарью хивинцы собирали подати с казахов, кочевавших в низовьях этой реки, и пошлины с караванов, ходивших из государств Средней Азии на Оренбургскую линию. Основание укрепления Раим означало прекращение этих поборов, потому хивинцы употребили все усилия, чтобы удалить русских с этой территории. Им удалось привлечь на свою сторону ряд казахских султанов с приверженными им казахами, использовать их в качестве ударных отрядов [4, с. 19].

Тем не менее, симпатии многих казахов были на стороне России. Ведь русские военные, казаки и казахи совместно действовали против хивинцев, отбили их нападение на казахские аулы на Сырдарье и вернули захваченных в плен казахов в 1847 г. [14, с. 21].

Выводы

В стратегии продвижения Российской империи в Центральную Азию в первой половине XIX в. казахские земли Среднего и Младшего жузов, вошедшие во внешние округа Омской области, затем Области сибирских киргизов, а также в Орду Оренбургских киргизов, рассматривались как надежный тыл русских. В этой связи российская администрация принимала ряд мер для устройства мирной и спокойной жизни в казахской степи. Значительные усилия были направлены на обеспечение поддержки казахами действий России в регионе.

В соответствии с реформами Михаила Сперанского в регионе вводилась новая система управления. Казахи наделялись гражданскими правами, действовавшими в империи, втягивались в российскую экономику. Казахские султаны привлекались на русскую военную службу, получали возможность занять главные должности в местной администрации.

Российскими чиновниками велась планомерная и успешная работа по примирению враждующих казахских родов, урегулированию закоренелых споров за пути кочевания. Делалось это с целью стабилизации обстановки, обеспечения безопасности караванной торговли и русских поселений в регионе. Такая политика способствовала прогрессивному развитию казахского общества.

В отношениях с Хивой, Бухарой и Кокандом Россия выступала как защитница интересов казахов, ограждала от грабежей и притязаний на господство среднеазиатских владельцев. В этой связи казахи активно вовлекались в работу по противодействию политике Хивы, Коканда, Бухары, направленной на вытеснение русских купцов с рынков Центральной Азии, а русских военных — из казахских степей. При этом российская администрация не преследовала мирно живущих в казахских аулах представителей центральноазиатских народов.

Немаловажная причина расширения влияния России в казахских степях — сопротивление попыткам Великобритании закрепиться в Центральной Азии с целью вытеснить продукцию российской промышленности с региональных рынков, создать хаос на западносибирской границе империи путем организации набегов. В то же время часть казахских султанов и родоправителей вовлекалась центральноазиатскими государствами в орбиту своих интересов.

Такой ситуации зачастую способствовали ошибки российской администрации, опиравшейся на султа-

нов в ущерб отношениям с родоправителями и батырами. Выяснилось, что султаны не обладали той полнотой власти и авторитета, на которую рассчитывала российская администрация.

В результате внешнеполитических факторов казахское общество оказывается расколотым. Казахи зачастую выступали за интересы противоборствующих держав. Однако затяжные междоусобные войны центральноазиатских государств 1840-х гг. способствовали усилению позиций России в регионе, переходу симпатий казахов на ее сторону, а в последующие годы — победе над центральноазиатскими владельцами.

Библиографический список

1. Костенко Л.Ф. Водворение в Средней Азии русской гражданственности: с картой Средней Азии / сост. кап. Ген. штаба Л. Костенко. СПб. : тип. В. Безобразова, 1871. 358 с.
2. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 510 с.
3. Середа Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касимова (1838–1847) // Вестник Европы. № 85, 6 год. СПб., 1871.
4. Макшеев А.М. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб. : Военная типография, 1869. 257 с.
5. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб. : тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 345 с.
6. Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной / под ред. и с предисловием Т.Р. Рыскулова. М. : Соцэкгиз, 1937. 167 с.
7. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен) Т. 1. Алма-Ата ; Москва : Казахстанское краев. изд-во, 1935. 260 с.
8. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 397 с.
9. Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982. 204 с.
10. Моисеев В.А. Политика России в Казахстане и Центральной Азии в освещении новейшей казахской историографии и публицистики // Россия и Восток: проблемы взаимодействия [доклады международной научно-практической конференции, 14–16 декабря 1992 г., в 2-х ч. / ред. С.А. Панарин]. Ч. 1. М. : Институт востоковедения, Научно-информационная фирма «Туран», 1993. С. 30–39.
11. Моисеев В.А. Россия — Казахстан: современные мифы и историческая реальность : сб. науч. и публицист. ст. Барнаул : Азбука, 2001. 172 с.
12. Дубовиков А.М. Российские источники XVIII–XIX веков о конфликтах в казахской степи и участии в них уральского казачества // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 1. С. 7–25.
13. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. 608 с.
14. Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // Россия и мусульманский мир. 2014. №10 (268). С. 69–91.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 990. Оп. 2. Д. 789.
17. Еремекбай Ж.А. Устав о сибирских киргизах 1822 г. и казахи Среднего жуза // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 7–13.
18. Аристов. Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
19. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 7018.
20. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2567.
21. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 57.
22. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. И-338. Оп. 1. Д. 59.
24. ЦГА РК. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 662.
25. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3321.
26. Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб. : типография Товарищества «Общественная польза», 1867. 321 с.
27. История Казахстана в документах и материалах : альманах. Вып. 2. Астана : Общество инвалидов — Чернобылец, 2012. 438 с.
28. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4371.
29. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3 Оп. 2. Д. 1902.
30. Аллворт Э. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии / перевод с англ. Л.А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2016. 383 с.
31. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3798.
32. Турсунов Б.Р. Кокандское ханство в годы правления Мухаммада Али- хана (1822–1842 гг.) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2018. № 4. С. 22–30.
33. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3897.
34. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7144.

References

1. Kostenko L.F. *The Settlement of Russian Emigration in Central Asia: with a Map of Central Asia Comp. by Captain of the General Staff L. N. Kostenko*. St. Petersburg: V. Bezobrazov Printing House, 1871. 358 p. (In Russ.).
2. Terentyev M.A. *The History of the Conquest of Central Asia*. Vol. 1. St. Petersburg, V.V. Komarov Printing and Lithography, 1906. 510 p. (In Russ.).
3. Sereda N. Revolt of the Kyrgyz Sultan Kenisara Kasimov (1838–1847). *Bulletin of Europe*. No. 85, year 6. St. Petersburg, 1871. 680 p. (In Russ.).
4. Maksheev A.M. *Traveled through the Kyrgyz Steppes and the Turkestan Region*. St. Petersburg: Military Printing House (in the Building of the General Staff). 1869. 257 p. (In Russ.).
5. Nebolsin P. *The Stories of a Passerby*. St. Petersburg: Military Printing House, 1854. 345 p. (In Russ.).
6. *The 1916 Uprising in Kyrgyzstan. Documents and Materials Collected by L. N.V. Lesnoy / Edited and with a Preface by T.R. Ryskulov*. Moscow, SOTSEKGIZ, 1937. 167 p. (In Russ.).
7. Asfendiarov S.D. *The History of Kazakhstan (Since Ancient Times)*. Vol. 1. Alma-Ata; Moscow: Kazakhstan. Publishing House, 1935. 260 p. (In Russ.).
8. Bekmakhonov E.B. *Kazakhstan in the 20–40s of the 19th Century*. Alma-Ata: Kazakh University, 1992. 397 p. (In Russ.).
9. *Forever Together. To Mark the 250th Anniversary of Kazakhstan's Voluntary Accession to Russia*. Alma-Ata, 1982. 204 p. (In Russ.).
10. Moiseev V.A. Russia's Policy in Kazakhstan and Central Asia in the Coverage of the Latest Kazakh Historiography and Journalism. *Russia and the East: Problems of Interaction [Reports of the International Scientific and Practical Conference, December 14–16, 1992, in 2 Parts. Edited by S.A. Panarin]*. Part 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, Scientific Information Firm «Turan», 1993. P. 30–39. (In Russ.).
11. Moiseev V.A. *Russia-Kazakhstan: Modern Myths and Historical Reality: a Collection of Articles*. Barnaul : Azbuka, 2001. 172 p. (In Russ.).
12. Dubovikov A. Russian Sources of the 18th–19th Centuries on the Conflicts in the Kazakh Steppe and the Participation of the Ural Cossacks in Them. *Modern Research on Social Problems*. 2017. Volume 9, No. 1. P. 7–25. (In Russ.).
13. Dugin A.G. Fundamentals of Geopolitics. *The Geopolitical Future of Russia*. Moscow, 1997. 608 p. (In Russ.).
14. Masov R., Dubovitsky V. The Annexation of Central Asia to Russia: Events through the Prism of Three Centuries. *Russia and the Muslim World*. 2014. No. 10 (268). P. 69–91. (In Russ.).
15. *Russian State Historical Archive (RGHA)*. F. 1264. Op. 1. D. 348. (In Russ.).
16. *The State Archive of the Russian Federation (GARF)*. F. 990. Op. 2. D. 789. (In Russ.).
17. Yermekbai J. A. The Charter of the Siberian Kyrgyz of 1822 and the Kazakhs of the Middle Zhuz. *Bulletin of Irkutsk State University. The History of the Series*. 2022. Vol. 41. P. 7–13. (In Russ.).
18. Aristov N.A. *Usuni and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz. Essays on the History and Way of Life of the Population of the Western Tien Shan and Research on Its Historical Geography*. Bishkek: Ilim, 2001. 582 p. (In Russ.).
19. *The State Archive of the Orenburg Region (OGAOR)*. F. 6. Op. 10. D. 7018. (In Russ.).
20. OGAOR. F. 6. Op. 10. D. 2567. (In Russ.).
21. OGAOR. F. 6. Op. 10. D. 57. (In Russ.).
22. *Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)*. F. I-338. Op. 1. D. 59. (In Russ.).
23. CGA RK. F. I-338. Op. 1. D. 267. (In Russ.).
24. CGA RK. F. I-338. Op. 1. D. 662. (In Russ.).
25. CGA RK. F. I-338. Op. 1. D. 3321. (In Russ.).
26. Kazantsev I. *Description of Kirghiz-Kaisak*. Saint-Petersburg. Printing House of the Partnership "Public Benefit". 1867. 321 p. (In Russ.).
27. *The History of Kazakhstan in Documents and Materials: an Almanac*. Issue 2. Astana, Publishing House of the Society of Disabled Chernobyl Victims LLP, 2012. 438 p. (In Russ.).
28. OGAOR. F. 6. Op. 10. D. 4371. (In Russ.).
29. *Historical Archive of the Omsk Region*. (IAOR). F. 3 Op. 2. D. 1902. (In Russ.).
30. Allworth E. *Russia: Breakthrough to the East. Political Interests in Central Asia* / Translated from English by L.A. Igo-revsky. Moscow. Publishing House Tsentrpoligraf, 2016. 383 p. (In Russ.).
31. OGAOR. F. 6. Op. 10. D. 3798. (In Russ.).
32. Tursunov B.R. *The Kokand Khanate during the Reign of Muhammad Ali Khan (1822–1842)* / / Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. A Series of Humanities. 2018. No. 4. P. 22–30. (In Russ.).
33. OGAOR. F. 6. Op. 10. D. 3897. (In Russ.).
34. OGAOR. F. 6. Op. 10. D. 7144. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Р. Прохоров, кандидат исторических наук, архивист, Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

About the author

I.R. Prokhorov, Candidate of Historical Sciences, Archivist, National Archives of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.